

Семантические Связи В Структуре Многозначного Слова И Способ Их Функционирования

Турсуналиева Ферузахон Камоллидин кизи

магистрант, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан

Научный руководитель к.ф.н Елькин Денис Юрьевич,

Национальный университет имени Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан

АБСТРАКТ

В статье рассматривается способ функционирования значений многозначных слов в лингвистическом лексиконе. В нем представлены механизмы, обеспечивающие быстрый доступ к лексемам без необходимости просмотра списков значений. Процесс общения описывается с когнитивных позиций, с точки зрения невозможности буквальной передачи информации. Так, лексический инвариант выступает в качестве общей когнитивной модели восприятия и понимания окружающего мира.

ARTICLE INFO

Received: 8th October 2022

Revised: 8th November 2022

Accepted: 13th December 2022

KEY WORDS:

лексикон, языковой знак, когнитивная лингвистика, семантика слова, многозначное слово.

Несмотря на то, что многие ученые, в том числе Ф. де Соссюр, писали об антропоцентрическом характере процессов жестового языка, в более поздних работах описание различных схем коммуникативных процессов часто дается как бы без участия человеческого сознания. Между тем каждый языковой знак, выраженный метафорически, возникает, живет и умирает в безмолвии индивидуального сознания вне непосредственной материальной связи с собственными словоформами, когда в фокусе сознания соединяются мысли о предмете и форма избранного слова. Жизнь знака коротка, так как он вспыхивает на один крошечный отрезок мгновения, когда мысли об объекте сливаются в фокусе сознательного разума. Форма знака «принадлежит» объективному материальному миру, а его субстанция или содержание никогда не выходит за пределы человеческого сознания. Последний, реагируя на форму знака, оперирует семантикой, которая среди прочих параметров отличает человеческое сознание, например, от любого ИТ-устройства [1].

Следовательно, человек постигает не весь знак, а его форму, представленную конфигурациями звуковых колебаний или отпечатками на бумаге. Воспринимающее сознание самостоятельно создает информацию на основе имеющегося опыта – наглядно-действенного, наглядно-образного или словесно-логического – уменьшая неопределенность имеющимися возможностями, например, лингвистическим прогнозированием, которое всегда гораздо выше на родном языке, чем на иностранном [2].

Человек как существо, воспринимающее изначально стремится к пониманию. В процессе восприятия человек открыт говорящему и миру. Но не вся информация, которую он воспринимает, вызывает ответную реакцию. Словоформа, воспринимаемая в контексте, действует как

переключатель, активирующий соответствующий концепт в лексиконе человека [3]. Новая важная информация или приобретенные навыки активизируют когнитивные процессы, обновляющие содержание понятия, а на нейробиологическом уровне приводят к наращиванию новых нейронных связей.

Каждая новая концепция взаимодействия с окружающей средой активизирует существующую мнемоническую структуру и создает регистр психической памяти. Последняя составляет основу механизма восприятия и когнитивного взаимодействия с окружающей средой с целью ориентировки в ней.

Поскольку большая часть наших повседневных слов полисемантична, мы говорим, прежде всего, о многочисленных переносных значениях многозначных слов и их репрезентации в лексиконе. Процесс сборки значений из различных конфигураций семантических компонентов происходит мгновенно и автоматически, так что человек не осознает этот процесс. Сознание моментально фиксирует состояние «я знаю» и эксплицитно управляет процессом только в случае производства или восприятия сложных и непонятных понятий.

Значение становится для человека знаком только после того, как оно входит своими семантическими признаками в систему устойчивых ассоциаций между предметами и явлениями мира, образуя некую мыслительную конструкцию (понятие), которая составляет основу того, что принято называть значением знака.

Рассмотрим знаковый характер общения на двух уровнях

– нейropsychологический и семантический. Имеющиеся нейробиологические данные подтверждают, что наше восприятие основано на группах знаков, а не на готовых значениях и словосочетаниях. Согласно этим исследованиям, зрительная кора головного мозга имеет огромное количество высокодифференцированных нейронов, каждый из которых реагирует только на один признак воспринимаемого объекта [3].

Когда говорящий производит материальную речевую форму в соответствии со своим замыслом, на нейробиологическом уровне активизируются соответствующие отделы мозга, в первую очередь, зона Вернике, отвечающая за восприятие, усвоение и понимание устной речи. слушатель. В процессе восприятия речи сначала звук со скоростью 343 м/с в виде волн различной плотности проникает в ухо и вызывает колебания барабанной перепонки, вызывая активность нейронов. Звук попадает в среднее и внутреннее ухо через наружное ухо через слуховой проход через барабанную перепонку. Система согласования импеданса может усилить сигнал в среднем ухе с помощью сложной системы передачи через молоточек, наковальню и стремечко, которые передают звуковые колебания от барабанной перепонки во внутреннее ухо. Увеличение громкости звука осуществляется через стремя, соединенное с овальным окном. Та же сложная стробирующая система защищает от слишком сильных звуков, работая в двух направлениях: при восприятии речи система внутренних костей приглушает внутренний объем, при активности коммуниканта система приглушает внешний звук, сжимая мышцы.

Достигая рецепторов слушателя, сигналы включают когнитивные механизмы смыслопостроения, условно соотносящиеся с образами сигнальных форм. Следующий акт понимания воспринимаемых звуковых форм происходит на когнитивном уровне. Соединение воспринимаемых звуковых форм и имеющегося в сознании содержания в единый знак осуществляется на уровне сознания.

Поскольку содержание знака не может выйти за границы сознания, он перестает существовать, вытесняясь из фокуса активного внимания следующим знаком или знаками, а соответствующая материальная форма соскальзывает с языка говорящего или с кончика языка. перо писателя.

Если эти формы находятся в сфере активного внимания воспринимающих анализаторов индивида, знающего код их интерпретации, то в его сознании возникает такое же (или почти такое же, с учетом индивидуального опыта) состояние, как и в отправитель сообщения. Сознание, восприняв формы знаков, связывает их между собой, тем самым либо воссоздавая знаки, порождая новый смысл, либо активируя существующую информацию (понятия или нейронные цепи). Во

втором случае воспринимаемые знаки интерпретируются с учетом окружающего речевого контекста, сигнализирующего о преломлении смысла.

В процессе декодирования воспринятого мы сначала постигаем словесную звуковую форму, а затем уже имеем дело с содержанием. Мы не держим звуковую оболочку знака в зоне внимания без специальной установки. Мы помним сами события, чувства и образы, которые их сопровождали, и уже на этапе вербализации понятий мысль принимает определенную языковую и речевую форму. При минимуме времени на обдумывание в процессе общения, в зависимости от уровня языковой компетенции, грамматическое и синтаксическое изложение часто происходит автоматически с использованием моделей и структур, известных из прошлого опыта. То есть языковая форма приспособляется к сознанию, а не наоборот.

Экономия времени обеспечивается за счет того, что воспринимающий не одинаково обрабатывает все языковые единицы информации и пропускает некоторые значения и сочетания слов, значение которых вытекает из предшествующего речевого контекста и является клише. Это возможно благодаря интегральной функции высших уровней сознания и работе нейронных цепей, которые «знают», на что нужно обратить внимание, что нужно найти и идентифицировать.

Условия коммуникативного цейтнота «налагают» узкие требования на характер связи между означаемым и означающим языкового знака. Они определяют связь каждой формы только с одним содержанием, обеспечивая системное своеобразие речевой формы в момент ее реального функционирования. Поэтому в лингвистике существует мнение, что полисемии на уровне речи не существует [5].

В то же время, согласно неверно истолкованному тезису о диалектическом единстве означаемого и означающего знака, материальная форма часто выступает своеобразным вместилищем смысла, материальным средством его транспортировки из пункта А в пункт Б. Ибо, например, значение можно понимать как «некую совокупность образований, соотносенных с этими предметами и явлениями внеязыковой действительности, которая передается через звуковую оболочку слова» [6]

Однако каждый из носителей языка действует исключительно в рамках своей когнитивной области. Функция языка состоит в том, чтобы ориентировать человека в той или иной области. Говорящий считает, что «если его слушатель идентичен ему, а значит, когнитивная область последнего идентична его собственной когнитивной области (чего никогда не бывает), и искренне удивляется, когда это или что возникает «недоразумение» [6]

На основании изложенного можно сделать вывод, что смысл как единство образов означаемого и означающего создается в сознании говорящего, а затем и слушающего. Это единство формируется говорящим в соответствии с замыслом высказывания. Поскольку содержание идеально и не выходит за пределы сознания, мыслимый смысл не выходит в объективный мир в виде конечного знания, «прикрепленного» к материальной форме.

Современная лингвистика не приходит к непротиворечивому представлению о функционировании многозначных лексем в сознании человека: существуют известные лингвокогнитивные теории значимости, выделяющие те или иные аспекты функционирования слов в виде фреймов, понятийных метафор, логогенов, модули, когнитивные прототипы, вербализованные концепты и т. д. Лингвисты не согласны с тем, используем ли мы готовые значения или же они собраны в лексиконе [4].

При постоянной активизации определенных значений их смысловая, графическая и сенсорная информация становится более четкой, что еще больше усиливает существующие нейронно-сигнальные связи. Чем чаще семантический признак участвует в интерпретации того или иного значения, тем более значимым он становится, приобретая статус инварианта, и тем большие синоптические связи приобретают соответствующие нейроны. Совокупность таких важных ядерных признаков, участвующих в интерпретации переносных значений многозначного слова, называется лексическим инвариантом.

То есть для эффективной декодировки содержания того или иного языкового знака достаточно знать основные идентифицирующие семантические компоненты, объясняющие семантику означаемого в самом общем виде.

Слушатель воспринимает форму речевого знака, которая в его сознании связана с инвариантными смысловыми признаками (его лексическим инвариантом). Затем на этой основе слушатель выводит действительный смысл в соответствии с речевым контекстом, предложенным отправителем сообщения.

То есть по мере актуализации значений многозначного слова в его структуре формируется его абстрактное семантическое ядро. Это ядро обеспечивает быстрый доступ к ключевым узлам семантической сети. Лексический инвариант формируется с течением времени как комплекс наиболее распространенных основных семантических признаков значения в результате многократных контекстуальных реализаций этих признаков в процессе понимания и построения значений. Увеличение встречаемости того или иного значения слова делает его нейронную цепь более доступной, поэтому происходит быстрое понимание частотных слов по сравнению с низкочастотными.

Активизация наиболее общих базовых смысловых компонентов смысла в процессе общения не противоречит принципу языковой экономии, согласно которому производящее и воспринимающее сознание не имеет неограниченного ресурса времени для обработки сказанного или слышанного. В большинстве речевых контекстов инвариантные признаки призваны передать содержание в целом, что часто необходимо и достаточно для продолжения общения. Например, в сочетании нос или у самолета – нос – это средний выступ, в горловине металлургической печи – горловина означает отверстие (отверстие).

Но в ряде ситуаций нет смысла преувеличивать функциональную ценность общего смысла, поскольку возникающие при этом непонимания коммуникантов часто проистекают из неуверенности в правильном понимании контекстов и нюансов сказанного. Расхождение в понимании контекста приводит к фрустрации и желанию устранить это непонимание. В этом случае экспликация смысла и стоящего за ним понятия с более детальным акцентированием внимания на их содержании. Это могут быть иллокутивные высказывания с использованием так называемых слов широкой семантики. Затем просят определить смысл сказанного, например, «Пожалуйста, обрмите термины «это неприемлемо» (некорректно/неэтично/не принято и т.п.)».

Выше мы показали, что человек формирует собственное знание, не делаясь «готовым знанием». В реальном коммуникативном процессе практически никакая информация не может быть исчерпывающе воспринята и понята, так как для этого требуется совпадение слишком большого числа независимых друг от друга параметров и условий.

По мере роста семантической структуры слова и появления новых образных значений мотивационные связи вновь возникающих значений, например, метафорических, с основным значением могут ослабевать и когнитивный образ может стираться. Поэтому именно инвариантное значение, охватывающее все значения слова, служит единственным стержнем, цементирующим структуру многозначного слова.

Итак, изучение сущности и закономерностей коммуникативного процесса с учетом биокогнитивной обработки информации и роли слова в речемыслительной деятельности человека предопределило изучение возможностей эффективного доступа к смысловому смыслу. - шатер его/ее лексики.

Список использованной литературы:

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 367с.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва: Рус. яз., 2000; Т. 1 (А – О).
3. Песина С. А., Латушкина О. Л. Лексический инвариант как содержательное ядро полисеманта //Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – №. 1. – С. 105-108.
4. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учеб. пособие М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
5. Новиков И.А. Проблемы языкового значения // Избранные труды. М.: Изд-во РУДН, 2001. Т.1. 672 с

6. Падучева Е.В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня. Сб. ст. М.: Азбуковник, 2000. Вып.1.